

Н. М. ЛЮБИМОВ

<Перевод новеллы VII, 2 Боккаччо (Перонелла)>

Муж Перонеллы возвращается домой, и Перонелла прячет своего возлюбленного в винную бочку; муж запродавал бочку, а жена уверяет, будто она уже продала ее одному человеку и тот в нее влез, чтобы удостовериться, сколь она прочна; возлюбленный Перонеллы вылезает из бочки, велит мужу очистить ее, а затем уносит бочку к себе домой.

Слушатели то и дело прерывали рассказ Эмилии взрывами хохота, заклинанье же признали полезным и чудодейственным. Затем король приказал рассказывать Филострато, и тот начал так:

— Милейшие дамы! Мужчины, особливо — мужья, вытворяют с вами такие штуки, что когда какой-нибудь жене в кой-то веки посчастливится одурачить мужа, вы должны радоваться, что это произошло, что вам это стало известно, что вы от кого-нибудь об этом услышали, но не только радоваться, — вы должны, в свою очередь, всем рассказывать о случившемся, чтобы мужчины наконец уразумели, что если они на все горазды, то и женщины им не уступят. Нам это может быть только полезно: когда одному известно про другого, что и тот — не промах, он еще подумает, прежде чем решиться провести его. Не подлежит сомнению, что когда нынешние наши рассказы дойдут до сведения мужчин, они, приняв в рассуждение, что и вы при желании можете сыграть с ними шутку, станут куда осторожнее. С этой целью я и хочу рассказать, что ради собственного спасения в мгновение ока проделала с мужем одна молодая, низкого состояния, женщина.

В Неаполе не так давно один бедняк женился на красивой, прелестной девушке по имени Перонелла; он был каменщик, она — пряжа, и на скудный свой заработок они кое-как сводили концы с концами. Случилось, однако ж, так, что некий юный вертопрах

увидел однажды Перонеллу, пришел от нее в восторг, вспылал к ней страстью, стал усиленно домогаться ее расположения — и добился своего. Касательно свиданий они уговорились так: ее муж вставал спозаранку и уходил либо на работу, либо искать работу, а молодой человек должен был в это время находиться поблизости и поглядывать, ушел ли муж, а так как улица Аворио была ненаселенная, то молодому человеку не составляло труда тотчас после ухода мужа неприметно прошмыгнуть к нему в дом. И так они проделывали многократно.

Но вот в одно прекрасное утро почтенный супруг удалился, а Джаннелло Скриньярио, — так звали молодого человека, — прошмыгнул к нему в дом и остался наедине с Перонеллой, а немного погодя муж, уходивший обыкновенно на целый день, вернулся и толкнул дверь, — она оказалась запертой изнутри, тогда он постучался, а постучавшись, подумал: «Благодарю тебя, господи! Богатством ты меня не наделил, но зато в утешение послал мне хорошую, честную женку! Ведь это что: только я за порог, а она скорей дверь на запор, чтобы никто к ней не забрался и как-нибудь ее не изобидел!»

Перонелла по стуку догадалась, что это муж. «Беда, ненаглядный мой Джаннелло! — сказала она. — Не жить мне теперь на свете! Это же мой муж, пропади он пропадом! И что это ему вздумалось нынче так скоро вернуться? Может, он видел, как ты входил? Ну, была не была! Полезай, бога ради, вот в эту бочку, а я пойду отворять. Сейчас узнаем, что это его так скоро принесло».

Джаннелло без дальних размышлений полез в бочку, а Перонелла встретила мужа неласково. «Это еще что за новости? — сказала она. — Что это ты так скоро вернулся? Да еще и со всем своим инструментом? Видно, ты себе нынче праздник задумал устроить. А на что мы жить будем? Где хлеба возьмем? Уж не воображаешь ли ты, что я тебе позволю заложить мою юбчонку или же еще что-нибудь из тряпья? Я день и ночь пряду, из сил выбиваюсь, чтобы хоть на гарное масло заработать, а ты что? Эх, муженек, муженек! Все соседки-то диву даются и на смех меня поднимают, что я тружусь не покладая рук, а ты ничего еще не успел наработать — и уже домой!» Тут Перонелла заплакала. «Бедная я, несчастная, горемычная! — продолжала она. — Не в добрый час я на свет появилась, не в добрый час у него в дому поселилась! Мне бы выйти за хорошего парня, так нет же: угораздило пойти за него, а он меня нисколечко не ценит! Другие с любовниками весело время проводят, у иной их два, у иной целых три, и они с любовниками развлекаются, а мужей за нос проводят. За что же

мне такое наказание? Я женщина честная, ничего худого себе не позволяю, а уж как же мне не везет, какая у меня горькая доля! И то сказать: отчего бы и мне не завести любовника? Было бы тебе известно, муженек: если б я захотела согрешить, то уж нашла бы с кем — я стольким красавчикам головы вскружила, и они ко мне подъезжают, через доверенных людей сулят мне деньги, а коли, мол, захочу, так будут у меня и новые платья, и драгоценные вещи, да я-то не такая, мне совесть этого не позволяет, а ты, вместо того чтобы работать, идешь домой!»

«Полно, жена, не печалься! — сказал муж. — Поверь мне, что я знаю, какая ты у меня хорошая, я только сейчас в этом лишний раз убедился. А ведь я пошел на работу, но только ни ты, ни я не знали, что нынче день святого Галионе, и все отдыхают, — потому-то я и вернулся так скоро домой. Но хлеба нам с тобой на целый месяц хватит — об этом-то я как раз подумал и позаботился. Со мной человек пришел, видишь? Я ему бочку продал, — бочка-то, как тебе известно, давным-давно пустая у нас стоит, только место зря занимает, а он мне дает за нее пять флоринов».

«Час от часу не легче! — вскричала тут Перонелла. — Ты как-никак мужчина, везде бываешь, должен бы, кажется, понаотореть в житейских делах, а бочку продал всего за пять флоринов, я же — глупая баба, за порог, можно сказать, ни ногой, а вот попалась мне на глаза ненужная бочка — я и продала ее одному почтенному человеку, да не за пять, а за семь флоринов, и он как раз сейчас влез в нее — проверяет, прочная ли она».

Муж очень обрадовался и сказал тому, кто с ним пришел: «Ступай себе с богом, почтеннейший! Ты слышал? Жена продала бочку за семь флоринов, а ты говорил, что красная цена ей пять».

«Дело ваше», — сказал покупатель и ушел.

«Раз уж ты вернулся, — сказала мужу Перонелла, — так иди туда и покончи с ним».

У Джаннелло ушки были на макушке: он старался понять из разговора, что ему грозит и что тут можно предпринять; когда же до него донеслись последние слова Перонеллы, он мигом выскочил из бочки и, как будто не слышал о том, что вернулся муж, крикнул: «Хозяюшка! Где же ты?»

Но тут вошел муж и сказал: «Я за нее! Тебе что?»

«А ты кто таков? — спросил Джаннелло. — Мне эту бочку продала женщина — я ее и зову».

«Ты с таким же успехом можешь кончить это дело и со мной — я ее муж», — отвечал почтенный супруг.

«Бочка прочная, я проверял, — сказал ему на это Джаннелло, — но у вас тут, по всей видимости, была гуща, и она так пристала и присохла, что я ногтем не мог ее отколупнуть. Отчистите бочку — тогда я ее у вас возьму».

«За этим дело не станет, — вмешалась Перонелла, — сейчас мой муж хорошенько ее отчистит».

«Конечно, отчищу», — сказал муж, положил свой инструмент, снял куртку, велел зажечь свечу и подать скребок, влез в бочку и давай скрести. Бочка же была не очень широкая; Перонелла сунула в нее голову, будто ей хочется посмотреть, как работает муж, да еще и руку по самое плечо, и начала приговаривать: «Поскобли вот здесь, вот здесь, а теперь вон там, вот тут еще немножко осталось».

Так она стояла, указывая мужу, где еще требуется почистить, а Джаннелло из-за его прихода не успел получить полное удовольствие, и теперь он, убедившись, что, как бы он хотел, так ему нынче все равно не удастся, решил утолить свою страсть как придется. Того ради он приблизился к Перонелле, которая прикрывала собой всю бочку, и, обойдясь с нею так, как поступали в широких полях разнузданные горячие жеребцы, бросавшиеся на парфянских кобылиц, наконец-то юный свой пыл остудил; отскочил он от бочки в то самое мгновение, когда Перонелла высунула голову, а супруг вылез наружу.

И тут Перонелла сказала: «Возьми свечу, милый человек, и погляди: как там теперь, на твой взгляд, чисто?» Джаннелло заглянул и сказал, что вот теперь, мол, чисто, теперь он доволен. Затем вручил мужу семь флоринов и велел отнести бочку к себе домой.

